

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

## ДОСТОЕВСКИЙ И ФОНВИЗИН

Достоевский испытывал интерес ко многим явлениям русской культуры, в том числе и русской литературы XVIII в. При этом на разных этапах творческого пути внимание писателя притягивали различные ее произведения и представители: обострение интереса Достоевского к явлениям литературы прошлого всегда определялось в той или иной мере их созвучием собственным идейным и художественным исканиям романиста в данный период.

Поэтому обращение Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863 г.) к размышлениям над письмами Д. И. Фонвизина из-за границы и его комедией «Бригадир» не менее симптоматично для момента идейно-творческой эволюции, переживавшегося писателем в это время, чем испытанное им в детские годы восхищение «Историей государства Российского» Карамзина или интерес в конце жизни к сочинениям Тихона Задонского с их высоким морально-поучительным пафосом, соединенным с глубоким поэтическим отношением к жизни.

В 1846 г. в «Отечественных записках» появилась статья друга писателя, В. Н. Майкова, о «Сочинениях» Д. И. Фонвизина и В. А. Озерова в издании Смирдина,<sup>1</sup> посвященная в основном вопросу о значении русских писателей XVIII в. вообще. Возможно, что к тому же времени восходят первые размышления Достоевского над эволюцией автора «Бригадира» и «Недоросля». Но более вероятным представляется, что мысли о Фонвизине, сформулированные в «Зимних заметках», возникли в начале 1860-х годов после первой заграничной поездки Достоевского. В 1858 г. появились «Избранные сочинения» Д. И. Фонвизина, изданные П. Перевлесским, куда вошла часть писем комедиографа, причем сочинениям его было предпослано «полное изложение статей о Фонвизине, помещенных в периодических и других из-

<sup>1</sup> Отечественные записки, 1846, № 11, отд. VI, с. 1—6; перепечатано в кн.: Майков В. Н. Соч., т. II. Киев, 1901, с. 173—179.

даниях». <sup>2</sup> Возможно, этим изданием пользовался Достоевский в конце 1862—начале 1863 г., работая над «отчетом» о своем заграничном путешествии: так или иначе, письма Фонвизина из-за границы, «Письма русского путешественника» Карамзина и книги Герцена «Письма из Франции и Италии» и «С того берега» Достоевский, как видно из текста «Зимних заметок», внимательно перечел в это время, по-видимому расценивая их как наиболее выдающиеся в литературном и идеологическом отношении образцы этого жанра, созданные его предшественниками.

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» — этой, не совсем точной цитатой из письма Фонвизина к П. И. Панину из Ахена от 18/29 сентября 1778 г., приведенной, очевидно, на память, Достоевский открыл вторую главу своих «Зимних заметок» (V, 50). В оригинале приведенная Достоевским фраза звучит несколько иначе: она входит в состав размышлений, в которых Фонвизин подытожил свои отрицательные и тревожные впечатления, вызванные знакомством с Францией эпохи Людовика XVI. «Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, — писал драматург в этом письме, — ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний. А как на забавы потребны деньги, то для приобретения их употребляет всю остроу, которою его природа одарила <...> Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть хотя в самой безделице. Божество его деньги».<sup>3</sup>

Заграничные письма Фонвизина привлекли еще в 1843 г. внимание В. Г. Белинского, который оценил их как важный социальный документ — яркое отражение упадка общественных порядков и нравов в предреволюционной Франции XVIII в. «... читая их (письма Фонвизина, — Г. Ф.), — писал критик, — вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной

<sup>2</sup> Фонвизин Д. И. Избр. соч. СПб., 1858 (Собр. соч. русских писателей, издав. П. Перевлесским, вып. 4). Впрочем, оба цитируемых Достоевским отрывка — из письма Фонвизина и из «Бригадира» (д. 4, явл. 2) — приводятся им неточно: цитируя, Достоевский отклоняется и от «Избр. соч.» в издании Перевлесского (с. 151; 34) и от предшествовавших им смирдинских изданий «Соч.» Фонвизина (изд. 2-е, СПб., 1847, с. 306; 55; изд. 3-е, СПб., 1852, с. 306, 55—56). В цитате из «Бригадира» Достоевский по изданиям 1817 или 1828 г. в одном случае исправляет ошибки всех трех перечисленных выше изданий. Ср.: Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2 томах, т. I. М.—Л., 1959, с. 85 (здесь, как и у Достоевского, «изрядная, изрядная молодка» вместо «изрядная молодка»). См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. V. Л., 1973, с. 363, 366 (комментарий Е. И. Кийко). (Далее ссылки на это издание даются в тексте, римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

<sup>3</sup> Фонвизин Д. И. Избр. соч., с. 151. Ср.: Серман И. З. Достоевский и А. Григорьев. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 138—139; современную историко-литературную оценку писем Фонвизина см. в кн.: Макогоненко Г. П. Д. Фонвизин, Творческий путь, М.—Л., 1961, с. 209—237.

картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником».<sup>4</sup>

Достоевский подходит к оценке писем Фонвизина с другой стороны. Стремясь отграничить свою «почвенническую» позицию от позиций славянофилов 1840—1860-х годов, Достоевский рассматривает Фонвизина в «Зимних заметках» в равной мере как предтечу современных романисту западничества и славянофильства.

Белинский выделял и подчеркивал в письмах Фонвизина их остро современное, в понимании критика, социально-критическое содержание. Достоевский оценивает их смысл иначе: он готов видеть в них скорее выражение ставшей традиционной психологии русского не только дворянского, но и разночинного интеллигента, уставшего от нескольких десятилетий насильственной бюрократической «европеизации», проводимой «сверху» самодержавием, и потому втайне «весело» отводящего душу против нее гневными инвективами, направленными по адресу ни в чем не повинного «француза»: «Тут слышится какое-то мщенье за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я как-то убежден, что оно существует чуть не в каждом из нас <...> я думаю, сам Белинский был в этом смысле тайный славянофил» (V, 50), «Бывают же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то правится» (V, 50—51).

Так оценка Фонвизина неожиданно перерастает под пером Достоевского в яркую культурную характеристику типа образованного русского барина XVIII в. и шире — в характеристику типа русского дворянского либерала вообще, не лишнюю сатирического начала и отдаленно подготавливающую образы русского «либерально-культурного» слоя 1840-х годов в «Бесах»: «Этот человек по своему времени был большой либерал. Но хоть и таскал он всю жизнь на себе неизвестно зачем французский кафтан, пудру и шпажонку сзади, для означения рыцарского своего происхождения (которого у нас совсем не было) и для защиты своей личной чести в передней у Потемкина, но только что высунул свой нос за границу, так и пошел отмаливаться от Парижа всеми библейскими текстами и решил, что „рассудка француз не имеет“, да еще и иметь-то его почел бы за величайшее для себя несчастье» (V, 53).

И все же Фонвизин в глазах Достоевского был не только типом либерального русского барина XVIII в., осмелившегося выступить против «европейских помочей», хотя «в фонвизинское время в массе-то почти ведь никто не сомневался, что это были

---

<sup>4</sup> Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 119; ср. другой отзыв Белинского о тех же письмах — там же, т. IX, с. 677 («Письма Фонвизина так дельны, что только теперь настало время для их настоящей оценки»),

самые святые, самые европейские помочи и самая милая опека» (V, 55).

Достоевский саркастически замечает, что европейский «маскарад» русского дворянства XVIII в., его «французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки» — все это «ничему не мешало: Гвоздиловы гвоздили по-прежнему, наших де Роганов наш Потемкин и всякий подобный ему чуть не секли у себя на конюшне, Монбазоны драли с живого и с мертвого, кулаками в манжетах и ногами в шелковых чулках давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагах,

Отважно жертвуя затылком.

Одним словом, вся эта заказная и приказная Европа удивительно как удобно уживалась у нас тогда, начиная с Петербурга — самого фантастического города, с самой фантастической историей из всех городов земного шара» (V, 57).

И, однако, Фонвизин, несмотря на его «французский кафтан», в своих комедиях сумел не только глубоко заглянуть за официальный фасад екатерининской империи, показать зрителю реальное обличье Простаковых и Скотининых, скрытое под покровом всей этой маскарадной фантазмагии. Он — и в этом Достоевский готов видеть одновременно и наиболее глубокий слой фонвизинского реализма, и полусознательное проявление присущего драматургу подлинно национального начала — смог ощутить буднично-каждодневный трагизм существования человека, принадлежащего к почти бессловесному в его время «большинству» русского общества. Более того, в оценке этого «большинства» Фонвизин смог возвыситься над характерными для его времени отвлеченными критериями добра и зла, скроенными по европейской мерке, и показать правдиво те невольные преимущества, которые нередко непосредственный реальный жизненный опыт и здравый смысл давали простому, необразованному человеку большинства даже перед лучшими представителями европеизированного культурного слоя, которые считали себя стоящими на высоте европейской культуры и образования. В доказательство этого тезиса Достоевский ссылается на различный характер переживаний бригадирши и Софьи во время рассказа первой о страданиях зверски избиваемой пьяным мужем капитанши Гвоздиловой (в комедии «Бригадир»). Образованная Софья, выслушав рассказ, ограничивается репликой, выражающей возмущение дикостью крепостнических нравов (так как она подходит к истории капитанши «извне», как чужой человек). Бригадирша же в ходе рассказа испытывает невольное чувство близости собственной своей женской судьбы и судьбы Гвоздиловой, а потому видит в капитанше не чужого человека, а как бы сестру по жизненным испытаниям. Это позволяет бригадирше подойти к Гвоздиловой «изнутри», проникнуться живым участием к ней: «...почему именно не

Софья, представительнице благородного и гуманно-европейского развития <...>, вложил Фонвизин одну из замечательнейших фраз в своем „Бригадире“, а дура бригадирше, которую он уже до того подделывал душой, да еще не простой, а ретроградной душой, что все нитки наружу выпли и все глупости, которые она говорит, точно не она говорит, а кто-то другой, спрятавшийся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Ведь он ее не только круглой душой, даже и дурной женщиной сделал, а все-таки побоялся и даже художественно невозможным почел, чтобы такая фраза из уст благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, а почел как бы натуральнее, чтоб ее изрекла простая, глупая баба. Вот это место, его стоит вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тем, что написано безо всякого намерения и заднего слова, наивно и даже, может быть, нечаянно. Бригадирша говорит Софье:

...у нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванию Гвоздилов; жена у него была такая изрядная-изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной; так веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну мы, наша сторона дело, а оно заплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и *слушать* об этом не хочешь, каково ж было *терпеть* капитанше?

Таким-то образом и сбрендила благовоспитанная Софья своей оранжерейной чувствительностью перед простой бабой. Это удивительное репарти (сиречь отповедь) у Фонвизина, и нет у него ничего метче, гуманнее и... нечаяннее» (V, 58).

Достоевский подчеркивает художественную живучесть созданной Фонвизиним фигуры Гвоздилова: несмотря на изменившуюся социально-историческую и культурную обстановку, те же Гвоздиловы, хотя и в ином, буржуазном обличье, продолжают существовать в условиях новой, пореформенной России (где фонвизинский Гвоздилов «жив и здоров, сыт и пьян», V, 58). Современные «оранжерейные прогрессисты» готовы видеть, но ироническому замечанию писателя, движение вперед в том, что цивилизовавшийся пореформенный Гвоздилов расчетлив, как всякий буржуа, а потому бьет жепу «только под пьяную руку да по старой привычке, когда уж очачь стоскуется. Ну, а ведь как хотите, это прогресс, все-таки утешение» (V, 59). Отвергая подобный благовоспитанный, «оранжерейный прогрессизм», Достоевский видит преимущество Фонвизина в том, что, как показывает невольное развенчание Софьи перед лицом необразованной «простой бабы» — бригадирши, драматург уже понимал — хотя и не вполне осознавал это — истинную цену отвлеченно-либеральных дворянского прогрессизма и чувствительности. Именно поэтому-то простую русскую женщину с ее слезами и «безгранично-всепрощающей

любовью» Фонвизин, действуя нечаянно и повинувшись своему художественному чувству, поставил выше благовоспитанной Софьи.

Так фигура Фонвизина приобретает в интерпретации Достоевского широкую социально-психологическую объемность. Это и барин XVIII в. во французском кафтане — верный сын общества своего времени, легко готовый сменить порой веру в спасительную силу «французских помочей» на веселую насмешку над теми же помочами и не имеющим будто бы рассудка французом, то русский человек большинства, испытывающий органическое уважение к этому большинству, его незаурядной жизненной стойкости, разуму и практическому смыслу. В итоге проблема демократизма и реализма Фонвизина предстают в трактовке Достоевского в новом, неожиданном ракурсе. Белинский связывал обличительный пафос писем Фонвизина с состоянием общества и настроениями предреволюционной Франции. В глазах же Достоевского творчество Фонвизина предстает в качестве сложного художественного сгустка. Здесь он ощущает истоки и традиционного либерального «европеизма» русской дворянской интеллигенции, и ее — явного или тайного — «славянофильства», и трезвого, демократического по своей социальной окраске, ощущения реальной стихии жизни русского большинства (стихии, путей приближения к которой настойчиво искал в 1860-х годах и сам Достоевский, не вполне правомерно противопоставлявший, однако, эти свои искания исканиям сознательно демократической части русского общества того же десятилетия).

«Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону», — писал о себе несколько позднее Достоевский.<sup>5</sup> Анализ образов капитанши Гвоздиловой, ее мужа и бригадирши в «Зимних заметках» свидетельствует о том, что в творчестве Фонвизина Достоевский сочувственно выделял первые зачатки подхода к решению именно этой художественной задачи, а вместе с тем и зачатки неотделимого от ее решения в понимании романиста стремления «найти в человеке человека». Так собственные идеологические и художественные искания Достоевского осветили для него по-новому смысл реалистических достижений одного из самых выдающихся русских писателей XVIII в.

---

<sup>5</sup> Литературное наследство, т. 77. М., 1965, с. 342.